

ИСТОРИИ

**«Врачей изначально воспринимают как
потенциальных преступников»**

Интервью калининградского
реаниматолога Элины Сушкевич, которую
обвинили в умышленном убийстве
младенца. Ее оправдали присяжные

11:08, 14 декабря 2020 · Источник: Meduza

Фото: Виталий Невар / ТАСС / Vida Press.

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

В Калининграде присяжные оправдали реаниматолога перинатального центра Элину Сушкевич и бывшего главврача местного роддома Елену Белую. Медиков обвиняли в умышленном убийстве младенца, родившегося недоношенным. По версии следствия, мальчика решили убить, чтобы не портить статистику роддома. Врачи свою вину не признали, в их защиту высказывалась большая часть профессионального сообщества. А глава национальной медицинской палаты Леонид Рошаль даже сравнил процесс с советским «делом врачей»⁽¹⁾. По просьбе «Медузы» об уголовном преследовании и его последствиях с Элиной Сушкевич поговорила журналистка Екатерина Медведева из издания «Новый Калининград».

Подробно о деле калининградских врачей можно прочитать в этом материале «Медузы»

— Вы сразу осознали, что стали фигурантом дела об убийстве, когда все началось в 2018 году?

— Чувства были противоречивые. Я была после сложного ночного дежурства. И так как мы не сталкиваемся с подобными ситуациями — никто

юридически не готовится к аресту [задержанию] на рабочем месте, — то просто не знаешь, что делать. Кричать, как в кино «Вы взяли не того! Я ни в чем не виноват» или, наоборот, молчать, потому что «все, что вы скажете, может быть использовано против вас»?

Пришли следователи: тут подпишите, там подпишите, пойдемте. Я просто выполняла то, что они мне говорили. Думала, как поступать дальше.

— Часто люди думают, что это временное недоразумение: сейчас во всем разберутся. Вам когда стало страшно?

— Конечно, не в первый день. Сначала думала: «Сейчас я вам в Следственном комитете объясню, насколько вы заблуждаетесь». Мне скажут: «Мы не так поняли ситуацию». И меня отпустят. И все закончится.

Но мне в первый раз продлили меру пресечения [в виде домашнего ареста] на три месяца, второй раз продлили. Думаю: «Ну хорошо, еще чуть-чуть осталось». Но когда в ноябре [2019-го] продлили домашний арест до февраля [2020-го], стало понятно, что это не закончится. Стало понятно, что никто не хочет тебя слушать и твои объяснения в принципе никому не нужны.

— Вы провели под домашним арестом полтора года, вам нельзя было пользоваться интернетом. Как вы жили в этот период?

— У меня была строгая изоляция: одна часовая прогулка в день, никаких внешних способов общения.

[Но] можно было даже найти какие-то плюсы.

В предыдущие месяцы [перед задержанием] у нас была такая интенсивная работа, что это даже была некая возможность отдохнуть — если не брать в расчет все негативные эмоции и переживания.

Конечно, и непросто было. Интернетом пользоваться нельзя, но был телевизор. Радио слушала, читала. На мое удивление оказалось, что я спокойно могу перенести одиночество. Но по работе очень скучала, потому что я трудоголик. Очень тяжело, когда хочешь и можешь работать, а тебе не дают заниматься тем делом, которое любишь.

— Как вы сами оцениваете судебный процесс?

— Считаю, что судебное следствие было непростым. Я впервые участвовала в процессе в качестве подсудимой, хотя однажды до этого выступала как свидетель. Поэтому для меня это все было ново и, естественно, очень многое непонятно. Я сначала удивлялась: должно же быть по-другому. Но адвокаты быстро объяснили, что реальное заседание — это не то, что мы видели в кино.

Судья все время отклонял наши ходатайства, не допускал к участию специалистов и свидетелей, которые могли

подтвердить нашу позицию. Со стороны смотрится, как будто ты все время пытаешься оправдаться. Хотя Уголовно-процессуальным кодексом не предусмотрено, чтобы мы вообще свою невиновность доказывали: нужно доказать вину, а подсудимый априори считается невиновным.

— Легко ли отстоять свою позицию в суде, когда постоянно приходится апеллировать к специфическим профессиональным знаниям, сути которых могут не понимать ни присяжные, ни судья, ни сторона обвинения?

— Нам пришлось подстроиться. Общаясь с адвокатами, пришлось привыкать к тому, что все надо объяснить просто. Так что к судебному заседанию мы уже подошли, когда я легко понимала, что надо говорить не «сатурация», а «насыщение крови кислородом» или не «ИВЛ», а «аппарат искусственной вентиляции легких».

Еще была проблема в экспертизе⁽²⁾. Когда я ее читала, то у меня волосы шевелились. Но я осознавала, что кроме меня сути того, что там написано, никто больше не понимает — ни следователи, ни адвокаты.

А независимых специалистов не допустили к участию. Получается, мое слово было против того, что написано в экспертизе. И понятное дело, что все будут опираться на стаж и статус экспертов, а не на мнение врача-

неонатолога. К сожалению, теория и практика не всегда идут вместе. Нельзя опираться только на мнение экспертов, не имеющих практического опыта.

В экспертизе должны обязательно принимать участие и врачи-практики тоже.

Многие факты были изложены так, как удобно обвинению, но нам просто не давали возможности пояснить [ситуацию].

Элина Сушкевич и Елена Белая. 6 августа 2020 года

Александр Подгорчук / Коммерсант

— Свидетелями обвинения были несколько медиков из роддома⁽³⁾. Вы понимаете почему?

— На самом деле всех этих свидетелей — за исключением Татьяны Николаевны Косаревой — я не могу обвинять в лжесвидетельстве. Во-первых, они говорили, что никто из них ничего не видел — они не видели конкретно тех событий, о которых говорит Косарева⁽⁴⁾. Они только видели, как я работала, как писала документацию. Все остальное они знали, потому что кто-то что-то слышал, кто-то что-то рассказал.

В принципе, их показания не противоречили нашей позиции. Были, конечно, нюансы, когда я говорю «Это плохой анализ», а доктор говорит: «Нет, это хороший анализ». Но она верит в это, поэтому это не обман — это заблуждение.

— А что с показаниями Косаревой, а также свидетеля Татьяны Соколовой, которая якобы слышала разговор в ординаторской о магнезии⁽⁵⁾?

— Почему Косарева заняла такую позицию, я не могу сказать. По ее словам можно сказать, что она лжесвидетельствовала. Она рассказывает не ту историю, которая была. Причем изначально у нее была история совсем другая — и она совпадала с нашей (*эти показания не вошли в дело, — прим. «Медузы»*).

Я не скажу, что [заведующая родильным отделением] Татьяна Львовна Соколова говорит неправду — она услышала разговор⁽⁶⁾. Но ее никто не спрашивал: «А что

значит то, что вы слышали про магнeзиy?»

Я не говорила, что мы детям вводим магнeзиy, — я имела в виду, что женщинам при преждевременных родах вводят магнeзиy⁽⁷⁾.

Думаю, что Соколова просто неправильные выводы сделала, недопоняла. Все сталкивались с ситуацией, когда рассказываешь что-то, а люди твои слова понимают совсем по-другому. Я это знаю по общению с родителями детей: ты рассказываешь что-то, а они на следующий день приходят и говорят, что вчера я им не так поясняла. В судебном заседании мы столкнулись с тем, что я говорю одно, а потом намеренно или нет, но гособвинители слова интерпретируют по-другому.

— Какие у вас были отношения с другой фигуранткой дела, Еленой Белой, до этой истории? Изменились ли они сейчас?

— Отношения были чисто рабочие. Она была руководителем четвертого роддома. Мы с ней очень редко пересекались — только когда у нас совпадали дежурства, таких дежурств у меня было максимум четыре-пять в месяц. Но мы всегда ровно и уважительно общались, как коллеги. Елена Валерьевна достаточно грамотный врач, и у нас не было каких-то расхождений. В судебном заседании не скажу, что что-то поменялось: мы не стали ближе, мы не стали друг друга ненавидеть.

— Может быть, были разногласия линии защиты? У вас или у ваших адвокатов.

— Единственное разногласие, которое у нас было: мы настаивали на суде присяжных, а Елена Валерьевна и ее защитники хотели обычного судопроизводства.

— Вы планируете вернуться на работу. Понимаете, как будете общаться с этими медиками?

— Да, в четвертый роддом все равно придется выезжать. Думаю, что в какие-то дни будет непросто. Но даже в судебном заседании я не видела, чтобы коллеги были ко мне негативно настроены. Конечно, в какие-то первые выезды будет непросто, но думаю, что потом все успокоится и войдет в свою колею.

Из этой истории будут сделаны выводы: и оснащение [служебных помещений] видеонаблюдением, и дубликаты заполненных документов. Хотя это тоже не всегда имеет смысл — сотрудники могут просто выкинуть историю [родов] и сделать новую, а ты ничего своей ксерокопией не докажешь. Но думаю, что организационные решения обязательно последуют.

— Порядок оказания помощи женщинам, роды у которых начались сильно раньше срока, в Калининграде уже изменился. Их теперь в обязательном порядке отправляют

в Региональный перинатальный центр, где вы работаете?

— Да, такие женщины теперь обязательно поступают к нам. Но несмотря на то, что порядок маршрутизации изменился, все равно в роддоме всегда может случиться подобная ситуация — [там] может оказаться женщина, которую невозможно транспортировать в другое медучреждение. И все равно маленькие дети на таких ранних сроках будут появляться в роддомах. Будем надеяться, что это будут единичные случаи и что реанимационную бригаду будут вызывать сразу.

— Суд выявил и еще некоторые вещи, связанные с администрированием, — переписывание документов⁽⁸⁾. Это регулярная практика в роддомах?

— Не могу сказать, что я знала случаи, когда переписывалась история родов. Чтобы ребенок прожил больше шести часов, а потом его записали мертвым — для меня это абсурдная ситуация. Конечно, я считаю, что это недопустимо. Многие говорят: «Историю [родов] исправляли — значит, виноваты». Я лично ничего не исправляла, и меня никто ничего не просил исправлять. Если бы меня спросили, то я бы задалась вопросом: «Вы нормальные вообще?» Но моим мнением никто не интересовался. Сейчас документооборот пытаются перевести в электронный

вариант, чтобы невозможно было что-то исправить, что-то подделать.

— **Были сообщения, что на свидетелей обвинения оказывалось давление. В частности, СМИ со ссылкой на свои источники сообщали об угрозах в адрес Татьяны Косаревой. А при избрании меры пресечения Елене Белой следствие заявило, что та давит сразу на нескольких подчиненных.**

— Думаю, что это все хитрый «маркетинговый ход» — для того, чтобы избрать нам более жесткую меру пресечения.

В декабре [2018-го] для меня большой неожиданностью стал допрос в Следственном комитете — еще в качестве свидетеля по делу. Когда я приехала с адвокатом, нас стали снимать на видеокамеру, пытались меня в чем-то уличить. Перед допросом Косарева просила меня: «Ты мне позвони и расскажи, как и что». Я ей сказала: «Тебя, наверное, тоже вызовут. Подготовься, потому что это очень непросто». Потом она расценила этот звонок как психологическое давление. Естественно, что на Татьяну Николаевну [Косареву] никто не оказывал давления, никто ей не угрожал.

Елена Белая. 12 февраля 2020 года

Виталий Невар / TACC / Vida Press

— Вы понимали, что после того, как вас поддержал Леонид Рошаль, а главе СК Александру Бастрыкину пришлось лично отвечать на упреки в фабрикации дела, решение по нему стало принципиальным вопросом?

— Конечно. Я даже больше скажу: еще до выступления Бастрыкина было понятно, что Следственный комитет будет гнуть свою линию до конца.

Вообще я же верила в людей и в правоохранительные органы. Считаю, что если я добросовестно выполняю свою работу, то, значит, и другие люди ее добросовестно выполняют. Значит, следовательно — как в кино — должен

рассмотреть все точки зрения. Но не прошло и полугода, как я поняла, что никто не собирается устанавливать истину. Что одна-единственная цель — это передать дело в суд.

Когда мы несколько раз заявляли ходатайства на повторную экспертизу, то я говорила московскому следователю: «Вам самому не интересно понять, что к чему?» А он мне: «А зачем? Мне не надо — у меня есть заключение экспертов с многолетним стажем. Почему я не должен ему доверять?»

Когда Бастрыкин заявлял, что есть убедительные доказательства [нашей вины], мы уже ознакомились с материалами дела — я понимала, что никаких доказательств нет. Не думаю, что он 28 томов нашего дела [сам] читал и вникал в суть. Я так себе это представляю — он сидит в кабинете и спрашивает: «Ну что там по делу?» Ему же подчиненные не скажут: «Вы знаете, мы там плохо сработали, доказательств нет». Они скажут: «Не переживайте».

— Но вы все равно рассчитывали, что вас оправдают?

— Да. Я же знала, что я ничего из вменяемого мне не делала. Потому и выбирала суд присяжных — с самого начала надеялась, что люди, никак не заинтересованные в деле, вынесут справедливый приговор. Без присяжных нас бы вообще не слушали.

Конечно, всегда найдутся скептики. Но если кто-то хочет разобраться — ситуация на самом деле не сложная, ее легко понять.

— Как вам кажется, на ходе и результате процесса отразилась мощная поддержка, которую оказывали вам другие врачи?

— Я не принимала участия в этом всем — все было сделано коллегами, которые поддерживали мою позицию. Их никто не просил, не заставлял, не платил деньги. Это было их искреннее желание отстоять нашу честь. Мне постоянно говорили: «Элина, ты — символ всей борьбы!» Я говорила, что не хочу брать на себя эту роль, не хочу, чтобы меня воспринимали как символ. К сожалению, как мне говорят, у меня нет выбора: «Так случилось — и тебе придется нести эту миссию». Но я не стремлюсь к этому. Не хочу показать: «Какая я молодец, посмотрите на меня и делайте как я!»

Мне кажется, что общественный резонанс — это естественная реакция людей на несправедливость. Я просила всем передать, чтобы люди не рисковали. Очень переживаю, что люди, поддерживая меня, рискуют должностями, подвергаются какому-то прессингу. Это неприятно, но, к сожалению, это есть. Экспертизу [по делу] писали представители Минздрава — получается, это позиция министерства, влиятельных людей.

— Сейчас вы не хотите воспользоваться своей узнаваемостью, чтобы отстаивать интересы медиков?

— Безусловно, эта работа будет вестись, потому что я состою в Российском обществе неонатологов, и в нашем регионе я его председатель. Но не хочу расценивать эту ситуацию как толчок к тому, чтобы я отказалась от врачебной практики и кардинально изменила свою жизнь. Эта история в любом случае обратит внимание на проблему. Надеюсь, что все-таки выводы будут сделаны. Другое дело — последуют какие-то реакции со стороны министерства [здравоохранения], со стороны других органов.

Мы всегда говорили, что у нас в законе очень много противоречий, из-за которых врачи могут оказаться в юридически невыгодном положении — когда Следственный комитет может истолковать их действия двояко и возбудить уголовное дело.

Охота на врачебное сообщество Следственный комитет ищет врачебные ошибки по всей стране и заводит уголовные дела. Что происходит?

В Иваново восьмилетний мальчик умер сразу после визита врача. Теперь педиатра хотят отправить в колонию Ее коллеги говорят, что в России развернулись репрессии против медиков

Кого посадить вместо Елены Мисюриной После широкой общественной кампании врача-гематолога выпустили из СИЗО. Репортаж «Медузы»

— Вы говорили, что не чувствовали поддержки даже регионального Министерства здравоохранения. Вас даже на словах не поддерживали представители местной власти?

— Коллеги писали губернатору, чтобы он как-то обратил внимание и это, может быть, помогло бы смягчить меру пресечения. Но везде были отписки: «Мы не вправе вмешиваться». Может быть, министерство или правительство не могут высказывать свою позицию. Но мы же видим, как в других регионах происходит. Даже эта история с ковидом и медсестрой, которая в купальном костюме ходила на работе, — ее же администрация поддержала. Ее не уволили. Значит,

можно! Значит, есть люди, которые у власти и могут высказать свою позицию!

— **Вы себя сейчас ощущаете знаменитостью?**

— Я не ожидала такого: вчера тебя вообще не знали какие-то люди, а сегодня ты проснулся знаменитостью. Но у меня нет какой-то гордости за себя. Больше всего я боялась, что это создаст прецедент, который позволит Следственному комитету дальше продолжать заводить такие дела. Но еще больше боялась, что вдруг у каких-то мам, которые потеряли детей, закрадется мысль: «А может, мой ребенок не умер, может, его тоже убили?» Это печально и страшно, когда люди сеют сомнения.

Я считаю, что эмоциями матери [погибшего мальчика] — Замирахон Ахмедовой — воспользовались. Потому что у родителей, потерявших детей, всегда первая реакция — это найти виноватого. Матери часто себя винят в том, что не смогли выносить, и, естественно, когда тебе говорят: «Это не ты виновата — это врачи», то такое объяснение легко принять в состоянии горя. Страшно знать, что твой ребенок умер. Но еще страшнее думать, что твоего ребенка убили.

Пикет в поддержку Элины Сушкевич. Калининград, 2019 год

Виталий Невар / ТАСС / Vida Press

— А вам не страшно теперь работать, учитывая понимание, что в любой момент можно снова стать обвиняемой?

— Сейчас в меня вселило надежду понимание, что мы все-таки можем доказать свою невиновность — и для постороннего человека она очевидна. Конечно, есть приказ министерства, что обо всех смертях новорожденных детей мы должны сразу сообщать в Следственный комитет. Я считаю, что этот приказ говорит, что всех врачей изначально воспринимают как потенциальных преступников. Смерть каждого ребенка проверяют на наличие криминала. Ведь отдел в Следственном комитете по расследованию

ятрогенных⁽⁹⁾ преступлений создан, а значит, он должен работать — и значит, уголовные дела будут возбуждаться. Мне хочется, чтобы благодаря этой ситуации мы обратили внимание на то, что нужно что-то менять. И я надеюсь, что нам удастся.

— Можно посмотреть на этот вопрос с другой стороны. Если не будет контроля, то как избежать ситуаций, когда врач ведет себя безответственно и пользуется вседозволенностью?

— Я понимаю, что контроль должен быть. Но считаю, что надо сначала поменять нашу систему рассмотрения таких ситуаций. В Польше, например, сначала их рассматривает комиссия — то есть собираются медики, которые решают. Есть скептики, которые говорят, что врачи друг друга прикрывают. Но создайте тогда масштабную комиссию — привлечите специалистов из Минздрава РФ, Национальной медицинской палаты. И если само министерство посчитает, что есть признаки каких-то умышленных действий, признаки серьезного нарушения, то тогда уже передавайте это дело в Следственный комитет. Давайте создадим в министерстве отдел по расследованию ятрогенных преступлений. Давайте расследовать это сначала внутри сообщества!

И еще интересно, почему если врач должен нести ответственность за свои ошибки — почему

ни следователь, ни прокурор не несут ответственности за свои? Вот в нашей ситуации что будет: «Ну, ошиблись — извините»? Я полтора года просидела дома и не работала, а государство ведь вложило деньги в мое образование.

— Вы же понимаете, что, возможно, это еще не конец дела — велика вероятность, что обвинение обжалует приговор, который будет вынесен на основании оправдательного вердикта?

— Уверена, что будут обжаловать. Конечно, я надеюсь, что ситуацию не доведут до абсурда. Надеюсь, что апелляционная жалоба не будет поддержана и что решение не отменят.

ЕЩЕ О ДЕЛЕ СУШКЕВИЧ

Мальчик весом 714 граммов В Калининграде начался суд над медиками, обвиненными в убийстве младенца ради статистики. Их преследование сравнивают с «делом врачей»

Беседовала **Екатерина Медведева**

(1) «Дело врачей»

Уголовное дело против группы советских врачей, которых обвинили в заговоре и убийстве ряда советских лидеров. После смерти Иосифа Сталина все арестованные были реабилитированы и освобождены.

[Вернуться к тексту](#)

(2) Что не так с экспертизой?

Первую судебно-медицинскую экспертизу тела ребенка провели в Бюро СМЭ Калининградской области. 6 декабря 2018 года эксперт заключил, что ребенок родился живым, но был нежизнеспособным из-за респираторных нарушений. В июне 2019 года специалисты, проводившие повторную экспертизу, заявили, что выводы эксперта о «нежизнеспособности» ребенка несостоятельны, а вероятность его выживания была достаточно высокой. На основе этой экспертизы во многом строилось уголовное дело. Хотя вероятность выживания новорожденных с такими же показателями и без тяжелых осложнений во всем мире не превышает 5–10%.

[Вернуться к тексту](#)

(3) Показания свидетелей

Основной свидетель обвинения — заведующая отделением новорожденных роддома № 4 Татьяна Косарева. Она утверждает, что 6 ноября 2018 года главврач Елена Белая вызвала к себе в кабинет ее и еще нескольких врачей. В кабинете Белая якобы отчитала медиков за то, что они оказывали реанимационную помощь младенцу, у которого, по ее мнению, не было шансов выжить. По словам Косаревой, главврач требовала переделать журнал родов и убедить мать младенца, что ее ребенок родился мертвым. Кроме того, Белая якобы потребовала от Сушкевич ввести ребенку магнезию. По версии обвинения, после инъекции ребенок умер.

[Вернуться к тексту](#)

(4) Показания свидетелей

Основной свидетель обвинения — заведующая отделением новорожденных роддома № 4 Татьяна Косарева. Она утверждает, что 6 ноября 2018 года главврач Елена Белая вызвала к себе в кабинет ее и еще нескольких врачей. В кабинете Белая якобы отчитала медиков за то, что они оказывали реанимационную помощь младенцу, у которого, по ее мнению, не было шансов выжить. По словам Косаревой, главврач требовала переделать журнал родов и убедить мать младенца, что ее ребенок родился мертвым. Кроме того, Белая якобы потребовала от Сушкевич ввести ребенку магнезию. По версии обвинения, после инъекции ребенок умер.

[Вернуться к тексту](#)

(5) При чем здесь магнезия?

По версии обвинения, Елена Белая потребовала ввести ребенку смертельную для новорожденного дозу магнезии, а Сушкевич сделала это. Сушкевич отрицает, что вводила магнезию.

[Вернуться к тексту](#)

(6) Как описывают свидетели разговор в ординаторской?

По словам Косаревой и Соколовой, Белая настойчиво расспрашивала Сушкевич о том, что «делают с такими детьми» в перинатальном центре. Та ответила, что вводят магнезию. Белая якобы потребовала: «Значит, идете и делаете! Вы меня слышали?» После этого Сушкевич якобы ввела ее, и ребенок умер. Сушкевич отрицает, что вводила магнезию.

[Вернуться к тексту](#)

(7) Зачем?

Магнезию используют при судорогах и аритмиях. Врачи дают ее будущим матерям, если считают, что роды скоро начнутся — чтобы защитить мозг ребенка. При передозировке может приводить к смерти.

[Вернуться к тексту.](#)

(8) О чем речь?

По словам Косаревой, Елена Белая требовала от медиков переделать журнал родов и убедить мать, что ее ребенок родился мертвым. В изъятых следователями истории родов записано «интранатальная гибель плода», а на другом листе написано «родился глубоко недоношенный мальчик без признаков живорождения». Одна из медработников роддома позже призналась, что внесла правки в документы под угрозой увольнения.

[Вернуться к тексту.](#)

(9) Что это?

Так называют любые нежелательные или неблагоприятные последствия медицинских вмешательств. В том числе те, которые нельзя предсказать или предотвратить.

[Вернуться к тексту.](#)